Аргументы и факты. - 1993. - июль (№30) - с.9.

№30 1993 г.

Радзинский Эдвард

Самое главное - это ирония и сострадание

С драматургом Эдвардом РАДЗИНСКИМ беседует корреспондент Л. ВИННИК.

- Я решил написать пьесу по штампу: царь глупый, слабовольный, царица милая, энергичная, глупая, ужасная. Но когда я пришел в архив, то обнаружил поразившую меня вещь - царь всю жизнь вел дневник. И я понял, что напишу роман, где у меня будет полноправный соавтор, он сам, мой герой. Это был мир его глазами. И так как мы убили его, не дав сказать последнего слова, это и будет его последнее слово.

Это роман и драма одновременно. Революция пишет драмы, в этом она непревзойденный писатель.

- Откуда такая тяга к историческим сюжетам? "Театр времен Нерона и Сенеки" и "Лунин"...

- Я всегда считал, что исторических вещей не существует, поскольку люди всегда оставались одними и теми же. Они просто меняли костюмы. И вообще все эти разговоры о специфике исторических вещей, как и разговоры о специфике публики, считаю надуманными.

- То есть вы не видите разницы между нашей и западной публикой?

- Как правило, реакция публики по ходу спектакля везде одна и та же. В Дании поставили спектакль о том, как прав Сенека, а не историю о конформисте Сенеке, как ее ставят в Америке. В Дании никогда не было никакой диктатуры. Они отнеслись к ситуации чисто прагматически, посчитали, что так и нужно - уходить от борьбы с идиотом-диктатором, оградить свой внутренний мир от помойной ямы политики. В Америке помнят о временах маккартизма, помнит та интеллигенция, о существовании которой у нас теперь не любят вспоминать. И ставили пьесу о том, как губительны идеи компромисса и уступок. Но я считаю, что это нормально - драматург пишет одну пьесу, режиссер ставит другую, зритель смотрит третью.

- И нет обиды, что зритель всегда смотрел не "первую"?

- Мне везло, надо сказать. Меня ставили прекрасные режиссеры - от Товстоногова до Виктюка. Но всегда в какой-то мере это не та пьеса, которую я писал. Несколько устав от "вторых" и "третьих " пьес, я и написал роман. В книге ты один. Это мой спектакль.

- Эдвард Станиславович, как я понимаю, вами не двигали политические пристрастия?

- Да, я никогда не был ярым антиленинцем, ярым монархистом, вообще никогда не был "ярым". И я считаю, что "ярый" вообще не должен заниматься историей. Он может заниматься политикой, может быть, боксом, но не историей. Формула истории только одна - "добру и злу внимая равнодушно". Меня интересовала традиция, миф о злом Сталине, который испортил гуманные достижения революции первых лет.

Мы не хотим понять этих людей. Миф разоблачен, как история неких монстров, у них нет меры ни в чем, а самое трагическое, что это была история людей, одержимых благороднейшими порывами, которые привели к жесточайшей крови, жесточайшим убийствам и к смерти.

Владимир Ильич не был монстром. Но меня интересовало, почему этот человек, крайне заботливый, отдал приказ об уничтожении всей царской семьи, доктора и слуг. Эти страшные телеграммы не только по поводу семьи, но по поводу десятков, сотен людей. Как это могло произойти?

- И вы решили для себя этот вопрос?

- Да, решил, хотя в этой книге я занимался этим мало. Но в следующей, которая называется "Иосиф Сталин", я постараюсь это объяснить. Сталин такой же таинственный персонаж, как и Николай. Крайне просто объяснить, что он был шизофреником. Я думаю, все коммунистические режимы были бы в восторге от такого объяснения. Но этот человек создал огромную, абсолютно послушную империю, сумел победить всех своих врагов, и сделал он все это легко.

- Что вы думаете о состоянии сегодняшней интеллигенции?

- Конечно, все это страшно. Интеллигенция стала нищей. Мы все время заявляли, что хотим свободы, и только свободы любой ценой. И получили эту цену. Сейчас интеллигенция - самая непрестижная часть общества, к тому же и абсолютно нищая. Которая может ехать куда угодно, только у нее нет денег и ее никуда не зовут. И получается, что свобода нужна не всем, а почти никому. Но это только кажется. Когда тебя не выпускали "туда", появилось ощущение немоты, а когда стали выпускать, оно становилось

чудовищным. За рубежом на моих спектаклях обязательно сидел человек из соответствующих органов, присланный из посольства... Организаторы всегда старались устроить мне встречу со зрителями. И я ждал вопросов, а их почему-то не было. Потом узнал, что перед тем, как я выходил на сцену, режиссер обращался к залу: "Поймите правильно - его семь лет не выпускали, не спрашивайте ничего, а то опять не выпустят".

- Вы были ведущим драматургом, вас ставили. Неужели даже вам не хватало свободы?

- Западные писатели могли браться за любую тему - от гомосексуалистов до Николая Второго. Не то, чтобы всем об этом надо писать, но все должны иметь возможность писать о чем угодно. Мы этого не имели. И я тоже. Хотя всегда оставался самим собой, и мне не пришлось меняться, жечь партбилет на глазах удивленных телезрителей, словно билет виноват, а не я. И мне страшно, что страну опять могут погрузить в униженное состояние, потому что ложь - это всегда унижение.

- Но только не все это сознавали...

- А это не нужно сознавать. Это поколение несвободных людей - вот оно, на улице. Сегодня из Николая Второго делают самого человечного человека, как когда-то из Ленина. А про Ленина говорят - Владимир Ильич Чудовище. Страна выставляет клише. А самое главное в мире - это ирония и сострадание.

- Эдвард Станиславович, совершеннно очевидно, что вопрос свободы и несвободы для вас - один из основных. Когда вы говорите, что "больны" Сталиным, понятно, чем эта история может помочь вам в разрешении этого вопроса, а история с Николаем?

- Один из уроков истории этой семьи - это урок прощения. Самые важные слова, которые я вынес из нее, - в стихотворении Ольги: "И у преддверия могилы вложи в уста своих рабов нечеловеческие силы молиться кротко за врагов". У нас был фильм "Покаяние", и было покаяние, странное, с выброшенными из могилы трупами. И когда я пытался опубликовать свой роман в "Дружбе народов", мне приходили потоки писем, где люди просили назвать место могилы убийц, чтобы выкинуть тех из могил. Я прервал публикацию.

- А сейчас уже можно?

- Сейчас решил продолжить ее. Страна меняется понемногу, и люди меняются. Я писал свою книгу для этой страны, и никто не сможет прочесть ее так, как здесь.

Фото Б. Кремера